Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/PNGIFB
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ БЕССЮЖЕТНЫХ «ДЕВИАНТНЫХ» ТЕКСТОВ В ЛЕТОПИСЯХ

© 2024 г. О.А. Туфанова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 19 августа 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 сентября 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-9-4-160-181

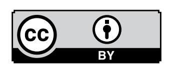
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00091, https://rscf.ru/project/24-28-00091/) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Специфика бессюжетных «девиантных» текстов в летописях заключается в том, что подробный или краткий рассказ о ненормальных и/или неординарных поступках героев приобретает в них форму перечней странных деяний, в большинстве случаев не связанных причинно-следственной связью между собой, однако находящихся в непосредственной зависимости от исходной событийной ситуации, спровоцировавшей проявление девиантности. Как правило, такие отклоняющиеся от нормы деяния совершаются в связи с каким-либо определенным обстоятельством, например приходом какого-то праздника, или необычным событием, или загадочным природным явлением, или стихийным бедствием. Анализ бессюжетного повествования о горестных событиях 1230–1231 гг. в Новгороде (Новгородская IV летопись, под 6738 г.), рассказа о небесном явлении в Киеве (Патриаршая или Никоновская летопись, под 6738 г.), Послания игумена Памфила (Псковская 1-я летопись, под 7013 г.) показал, что бессюжетные «девиантные» тексты запечатлели как отрицательное, так и положительное отклонение в поведении людей от нормы, в том числе и от традиции рассказывания о тех или иных событиях, и имеют схожую с сюжетным повествованием трехкомпонентную структуру. Особо стоит заметить, что девиантное поведение не является свойством человеческого характера и образа мыслей в бессюжетных «девиантных» текстах, его всегда вызывает конкретное обстоятельство или событие и оно носит временный характер, хотя и может повторяться, если связано с обрядовой стороной жизни. Наконец, в силу повествовательной специфики, перечни большей частью свидетельствуют о случаях массового проявления отклоняющегося поведения, в отличие от сюжетных «девиантных» текстов, которые могут быть посвящены одному герою.

Ключевые слова: девиантность, девиантное поведение, «девиантный» текст, летопись, сюжетное и бессюжетное повествование, художественная специфика.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969
E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: *Туфанова О.А.* О художественной специфике бессюжетных «девиантных» текстов в летописях // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 160–181. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

ON SPECIFIC AESTHETIC FEATURES OF THE PLOTLESS "DEVIANT" TEXTS IN CHRONICLES

© 2024. Olga A. Tufanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: August 19, 2024
Approved after reviewing: September 27, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS and supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00091 (https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/).

Abstract: The aesthetic specific of the plotless "deviant" texts in chronicles is rooted in the fact that a detailed or brief account of abnormal and/or extraordinary behaviour of their characters appears in the form of enumerating odd actions, in most cases not connected by cause-and-effect relationship, but directly dependent on the initial event which provoked the manifestation of deviancy. As a rule, such deviant acts are committed in connection with a particular circumstance, such as a fest, an unusual event, a mysterious natural phenomenon, or a natural disaster. The analysis of the plotless narrative about the sorrowful events of 1230–1231 in Novgorod (Novgorod Fourth Chronicle, under 6738), the story about the celestial apparition in Kyiv (Patriarchal or Nikon Chronicle, under 6738), and the Epistle of Hegumen Pamphil (Pskov First Chronicle, under 7013) demonstrates that such plotless "deviant" texts capture both negative and positive deviation in people's behaviour, as well as in the tradition of narrating various events. Such texts also feature a three-component structure, similar to the plot-driven narrative. However, deviant behaviour is not a trait of human character and way of thinking in the plotless "deviant" texts — it is always caused by a specific circumstance or event and is temporary, although it can be repeated if connected with the ritual aspect of life. Finally, due to their narrative specific, lists of deviant acts primarily refer to mass manifestations of deviant behaviour, as opposed to the plot-driven "deviant" texts, which may focus on a single protagonist.

Keywords: deviance, deviant behavior, "deviant" text, chronicle, plot and plotless narration, artistic specificity.

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969

E-mail: tufoa@mail.ru

For citation: Tufanova, O.A. "On Specific Aesthetic Features of the Plotless 'Deviant' Texts in Chronicles." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 160–181. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181

«Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси — это фрагменты, которые представляют собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов. В центре внимания таких рассказов, как правило, находится поступок (или действия) человека (группы людей), который воспринимается и оценивается книжником как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества и/или неординарный, экзотический, диковинный[1]. Сообщение о «девиантном» поведении тех или иных персонажей может иметь характер сравнительно развитого сюжета, а может быть дано через простое перечисление фактов[2].

Специфика бессюжетного «девиантного» повествования заключается в том, что оно представляет собой перечень странных, ненормальных, с точки зрения автора или редактора текста, поступков героя или героев. Как правило, такие отклоняющиеся от нормы деяния совершаются в связи с каким-либо определенным обстоятельством, например приходом какого-то праздника, или необычным событием, или загадочным природным явлением, или стихийным бедствием, и т. д. В большинстве случаев по-

1 Понятие «девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси было введено нами в статье, опубликованной в «Герменевтике древнерусской литературы», см.: [14].

2 В зависимости от особенностей повествовательной структуры того или иного летописного фрагмента мы выделяем, понимая всю условность подобного разграничения, сюжетное и бессюжетное повествование. Под сюжетным «девиантным» повествованием подразумевается ряд взаимосвязанных событий и/или действий персонажей, представленных в их временной последовательности, с относительно четко обозначенным конфликтом; под бессюжетным «девиантным» повествованием понимается рассказ о событиях и/или действиях персонажей, не связанных друг другом (по сути, перечень), но обусловленных какой-либо первопричиной.

ступки героев редко связаны между собой причинно-следственной связью, но имеют в представлении автора связь с вызвавшим их событием. Обычно в таких перечнях фиксируются поступки, совершаемые не одним человеком, а некой группой лиц, т. е. они имеют массовый характер.

Так, в Новгородской IV летописи под 6738 (1230) г. читается рассказ о том, что на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня ударил сильный мороз и уничтожил практически весь урожай[3]: «Изби мразъ… все обіліе по волости нашей…» [21, с. 210]. Стихийное бедствие нарушает нормальное течение жизни и становится причиной последовавших за заморозком разрушительных социальных процессов, обусловленных сильным подорожанием: «…и почахомъ хлѣбъ коупати по 8 коунъ, а кадъ ржи по 20 грівенъ, а во дворехъ по 30, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена по 50 грівенъ, а овса по 11 гривенъ» [21, с. 210]. Высокие цены[4] на продукты первой необходимости приводят к миграции населения: «И разыдеся градъ нашъ и волость наша, и полніи быша чюжии гради и страны и братіи нашеи и сестръ…» [21, с. 210]. Те же, кто не смог уехать, «почаша мрети» [21, с. 210]. Летописец напрямую связывает происходящие события и дает глубоко эмоциональную оценку через лексему «горе», эпитет «великое», риторический вопрос: «…и оттолѣ оуставися горѣ велико… И кто не прослезися о семъ, видяще мертвыа лежаще по оулицамъ, младенцевъ псы ѣдяхоу?» [21, с. 210].

Еще страшнее для людей оказывается весна, запечатлевшаяся как «горкая и бѣдная память». Дороговизна хлеба, продуктов первой необходимости и, как следствие, голод провоцируют массовое «девиантное» поведение у жителей:

> …иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ѣдяху, а друзии мертвое троупіе обрѣзывахоу и ядяхоу, а [и]нии коніноу и псиноу и кошки, а иніи осочивше тако творяще, ово ихъ огнемъ жгоша, а дроугыхъ осѣкоша, а иныхъ избиша; а иніи же мохъ ядяху соухъ, сосноу, короу липову и листъ, илемъ, кто что замышлитъ; а иніи паки злии чловѣци начаша добрыхъ людеи домы

3 Рассказ о сильном заморозке 1230 г., приведшем к страшному голоду, читается и в Новгородской I летописи старшего извода (Синодальный список) в составе статьи «В лѣто 6738…», см.: [17, с. 69–71].

4 О переводе денежных единиц XII–XV вв. в современные цифры см.: [10].

зажигати, гдѣ чающе верешь, и тако разграбливаху и имѣніе ихъ <...> и горши того быхомъ на зло <...> мертвеци по оулицамъ и по торгу и по мосту по великомоу, отъ песъ изъедаемы, и оже не можахоу погрѣбати ихъ... [21, с. 211].

Масштаб разыгравшейся трагедии подчеркивается и тем, что даже по отношению к близким люди начинают вести себя бесчеловечно. Летописец скрупулезно отмечает:

...братъ брату не сжалящетъся, ні отецъ сынови, ні мати дшерѣ, ні соуседъ соуседоу не оуломъляшетъ хлѣба; не бысть милости междю нами, но тоуга бѣаше и печаль, на оулици скорбь дроугъ съ дроугомъ, тоска, зряще дѣтеи плачюще хлѣба, а другія оумирающе [21, с. 211].

Отсутствие милосердия, каннибализм, употребление в пищу непригодных для этого животных и растений, грабежи, пожирание псами непогребенных трупов довольно часто упоминаются летописцами при описании поведения людей во время голода, вызванного либо стихийными бедствиями (см., например: [15, с. 332–341]), либо осадой городов (см. подробнее: [3]). Однако чаще всего именно голод выступает в подобных эпизодах триггер-мотивом, провоцирующим девиантное поведение. В данной же летописной статье лексема «голод» не употребляется, вместо нее автор дважды пишет о дороговизне продовольствия — в начале фрагмента и в конце («И коупяхоу по полоугривнѣ хлѣбъ, а кадъ ржі по 4-ю часть по 7 гривенъ и по болши; и даяти свои дѣти отецъ и мати одеренъ ис хлѣба гостемъ» [21, с. 211]). Ведущим триггер-мотивом в рассказе о событиях в Новгороде становится не голод, а высокие цены на продукты питания, в первую очередь на хлеб[5].

В целом, бессюжетное повествование о горестных событиях 1230–1231 гг. имеет ту же структуру, что и сюжетные «девиантные» тексты: оно содержит 1) лаконичное описание исходной ситуации, 2) рассказ в виде перечня об отклоняющихся от нормы поступках людей,

5 В рассказе о событиях 1230–1231 гг. в Новгородской I летописи старшего извода также неоднократно говорится о высоких ценах на хлеб, но смыслообразующим мотивом, в отличие от Новгородской IV летописи, во фрагменте «В лѣто 6738…» является фраза «И тако ны богъ възда по дѣломъ нашимъ» [17, с. 71, 69], которая возвращает читателя к прозвучавшему в начале летописной статьи призыву к покаянию.

3) прямо и неоднократно выраженную разными художественными средствами авторскую оценку происходящего (см. подробнее о структуре: [14, с. 282–287]).

Вместе с тем данный рассказ, по сути, представляет собой перечисление фактов, каждый из которых свидетельствует о той или иной форме девиантного поведения людей. Почти не связанные между собой, все эти поступки людей, мучительно пытающихся выжить, обусловлены последствиями природного катаклизма, и прежде всего подорожанием самого необходимого для нормальной жизнедеятельности.

Таким образом, действия, демонстрирующие отклоняющееся от нормы поведение, не всегда напрямую обусловлены в бессюжетном «девиантном» повествовании самим событием, вызвавшим их. Аналогична рассмотренному фрагменту ситуация с выловленным уродом-детищем в «Повести временных лет», которая отнюдь не предполагала, что по рассмотрении его бросят обратно в воду; или массовый исход в леса и луга в христианский праздник — день Рождества Иоанна Предтечи; или объяснение рождения всяких уродов необычными небесными явлениями, например затмениями. Но в летописях рассказ о подобных фактах почти всегда превращается в повествование, имеющее причинно-следственные связи с первоисточником, которое должно вызывать мистический ужас перед открывающейся картиной зла.

Бессюжетные «девиантные» тексты, как и сюжетное повествование, запечатлевают через перечни не только насилующее зло, проявленное иногда в жестоких, иногда в необычных, экстраординарных поступках (как, например, в рассмотренном выше эпизоде), — отрицательное отклонение (см. подробнее: [14, с. 282–287]), но и положительное отклонение, дающее образец идеального или правильного, должного поведения в той или иной экстремальной жизненной ситуации.

Так, в Патриаршей или Никоновской летописи под 6738 (1230) г. в рассказ «О потрясеньи земля» включен небольшой фрагмент о необычном небесном явлении, вызвавшем странное поведение у людей: «Того же дне и часа (14 мая 1230 г. — *О.Т.*) бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ всѣмъ зрящемъ, и бысть солнце мѣсяцемъ, и явишася оба полы его столъпове черьвлены, зелени, сини, таже сниде огнь съ небеси, акы облакъ великъ надъ ручай Лыбедь...» [20, с. 100].

Непривычное природное явление (исходная ситуация) приводит людей в отчаяние: «...людемъ же всѣмъ отчаявшемся живота своего и мнѣвшемъ уже кончину сущу...» [20, с. 100]. В это описание первой реакции очевидцев встраивается и оценка происходящего, и рефлексия рассказчика (через местоимение «всем», выступающее в летописях, как правило, своеобразным маркером всеобщности, всеохватности и порой включающее книжника в сообщество тех, о ком повествуется).

Далее в эпизоде летописец пишет о необычных в ситуации наблюдения небесного явления поступках людей. Они начинают целовать друг друга, просить прощения друг у друга, «горцѣ» плакать, и, наконец, «возопиша вси къ Богу со слезами» [20, с. 100], т. е. ведут себя отчасти так, как было принято, например, в обряде крестного целования на Прощеное воскресенье (см. подробнее: [9, с. 366; 12, с. 702]). Такое необычное для ситуации, но, несомненно, образцовое, правильное, по мнению книжника, для христиан поведение приводит к счастливому разрешению ситуации: «...всемилостивый же Богъ преведе страшный той огнь чресъ весь градъ бес пакости, и впаде въ Днѣпръ рѣку, ту и погибе» [20, с. 100]. Очевидно, понимая всю необычность рассказанного, книжник завершает этот пассаж указанием на источник — на неких «самовидцев»: «Се же сказаша намъ самовидцы, въ то время бывшеи тамо» [20, с. 100], — которое дистанцирует летописца от рассказываемого, но тем не менее отражает общественную реакцию (помнится, как правило, только то, что поразило).

Любопытно, что в рукописях Акад. XIV (Императорской Академии наук, XVI в.), М.А. Оболенского (начала XVII в.), Акад. XV (Императорской Академии наук, XVII в.), Арх. II (Московского Архива Министерства Иностранных Дел, XVII в.), Публ. (Строг.) (Императорской Публичной Библиотеки, собрание книг графа А.С. Строганова, XVII в.), Троицк. III (Троице-Сергиевой лавры, XVII в.), в отличие от списка Тол. VII (Голицын.) (Императорской Публичной Библиотеки, книга князя А.Д. Голицына, XVII в.), на основе которого проводился анализ фрагмента, рассказ о поведении людей во время знамения ведется в традиционном для подобных случаев аспекте: «...и бысть на всѣх страхъ и трепетъ велій, и смутишася и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мняще яко скончаніе мира пріиде...» [20, с. 100]. Летописцы подчеркивают, что необычное небесное явление вызвало сильный страх и ужас у людей. Более того, в этих списках представлен масштабнее об-

раз огня, прошедшего через город, и изменена последовательность: сначала огонь «хожаше сюду и сюду съ яростію веліею въ толстотѣ велицѣ, яко облакъ велій, и преиде чрезъ градъ весь безъ пакости», и только потом люди «горко съ плачемъ и со слезами возопиша ко Господу Богу» [20, с. 100]. Отсутствует в этих рукописях и важная для рассказа из списка Тол. VII (Голицын.) ссылка на неких «самовидцев». Тот же текст, который читается в них, выполнен в традиционном для подобных историй ключе. И тем ценнее рассказ «самовидцев», записанный летописцем в Тол. VII (Голицын.), потому что он зафиксировал совершенно неожиданную реакцию и поведение людей во время необычного и пугающего небесного явления, которое может рассматриваться и оцениваться как положительное отклонение от нормы, под которой можно понимать в данном случае эмоции страха и ужаса.

Бессюжетные «девиантные» тексты не одинаковы по объему. Чем значительнее событие, спровоцировавшее девиантное поведение, тем длиннее перечень ненормальных поступков, тем большее количество людей демонстрирует в своих деяниях отклонение от нормы. Особо стоит заметить, что девиантное поведение не является свойством человеческого характера и образа мыслей в бессюжетных «девиантных» текстах, его всегда вызывает конкретное обстоятельство или событие. Как только событие становится неактуальным, люди возвращаются в нормальное состояние и ведут себя в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами, т. е. отклонение носит временный характер. Но девиантные действия могут повторяться, если связаны с обрядовой стороной жизни.

Оценка тех или иных поступков, отбор и подача фактов в «девиантных» текстах всегда зависит от мировоззренческой позиции автора и той культурно-религиозной среды, которую он представляет. Особенно ярко это проявляется, когда речь идет о столкновении обычаев и обрядов. Игумену Памфилу языческое празднование дня Рождества Иоанна Предтечи кажется глумлением, простому народу — нормой, обычными действиями, повторяемыми из года в год во время купальских дней и празднования дня летнего солнцестояния, поскольку это поддержано древним обычаем. Отсюда — и естественное возвращение к нормальному состоянию по окончании праздника.

Таким образом, как в сюжетных, так и в бессюжетных «девиантных» текстах дискурсивная и/или эмоциональная оценка поступков людей как

отклоняющихся от того, что признается в качестве нормы, является важнейшей характеристикой не только тех, кого оценивают, но и того, кто оценивает. В модальных суждениях летописцев или иных нарраторов, чьи тексты включаются в историческое повествование, содержится по сути художественный «ключ» к пониманию критериев отбора излагаемых исторических фактов и выбора изобразительно-выразительных средств для их описания.

Послание игумена Памфила Елизаровы пустыни, «живо и эмоционально рисующее народные обряды в день Ивана Купалы» [8, с. 25–26], известно в двух редакциях — краткой (она читается в составе рукописных сборников, например, из собрания М.П. Погодина) и летописной (в составе Псковской 1-й летописи). На основе подробного текстологического анализа известных редакций памятника в различных источниках В. Малинин пришел к заключению, что это «не одно, а два особых послания», которые «обнаруживают в учительном игумене не только человека христиански ревностнаго к искоренению грубых проявлений языческой старины, но и “ведущаго”, как тогда выражались, “ветхая и новая писания”, на которые мы у него и встречаем ссылки»[6] [6, с. 132]. Остановимся на более поздней по времени написания редакции — Летописной, как обозначила ее В.И. Охотникова [18, с. 162].

В Псковской 1-й летописи Послание игумена Памфила читается под 7013 (1505) г., и адресовано оно князю Дмитрию Владимировичу Ростовскому, который прибыл наместником в Псков в мае 1504 г. Вслед за В. Малининым Н. Серебрянский и В.И. Охотникова полагают, что появление второго, летописного, послания было обусловлено «безуспешностью первого» [11, с. 485; 18, с. 163], которое не получило должной реакции властей, и игумен «вторично обратился к местной власти с просьбою об искоренении языческих обычаев и позаботился придать содержанию своего послания большую обоснованность» [11, с. 485]. При этом все исследователи памятника отмечают, что в части описания самих купальских обрядов, о которых и пишет игумен, краткая и летописная редакции мало чем отличаются и представляют уникальный в истории древнерусской словесности текст, который довольно подробно повествует о древнейших языческих обычаях и обрядах.

6 Здесь и далее дореволюционная орфография источника упрощена.

Почему Послание игумена Памфила было включено в Псковскую 1-ю летопись — вопрос сложный, тем более что аналогов, т. е. похожих по тематике слов иных проповедников, в других летописных сводах не наблюдается. Один из возможных ответов кроется в художественной специфике текста, который можно рассматривать как один из ярких примеров бессюжетного «девиантного» повествования, зафиксировавшего анормальные, с точки зрения автора или редактора текста, поступки героев.

Специфика жанра послания, согласно византийскому эпистолярному канону, предполагала «довольно строгую структуру письма. Послание должно было состоять из *инскрипта* (внешнего адреса), *прескрипта* (интродукции), основной части, раскрывающей главное содержание текста (*семантема*), и *клаузулы* — итоговой части, заключения» [5, с. 278]. Вполне вероятно, что до того, как Послание игумена Памфила попало в Псковскую 1-ю летопись, оно полностью соответствовало эпистолярным правилам, однако под пером летописца его структура претерпела изменения, и в итоге формуляр трансформировался в многослойное повествование, более подходящее для реализации идеологических и художественных целей летописца.

Текст имеет двойной заголовок. Первый заголовок-инскрипт лапидарен, содержит «указание на имена автора и адресата» [1, с. 154], стилистически нейтрален и, очевидно, принадлежит перу летописца: «Послание игумена Панфила Елизаровы поустыни намѣстнику великихъ князеи а князю псковскомоу Дмитрею Володимеровичю Ростовьскому» [19, с. 90]. Второй заголовок-инскрипт, с которого, скорее всего, и начинался собственно текст, менее точен с точки зрения адресата (имя князя Дмитрия Владимировича Ростовского не названо, упомянута только его должность) и более пространен в представлении места пребывания игумена Памфила и написания Послания: «Из пречестныя обители Рожества святеи богородицы и треи святителеи Василиа Великого, Григорья Богослова, Иванна Златаоустаго, и преподобных отец наших Аноуфрея Великого и Петра Афоньскаго, благословение и богомоление Панфила игоумена и еже о христе з братьею и Елизаровы поустыни, во Псковъ, государеи великих князеи намѣстнику и еже напред владычеств их соущих» [19, с. 90].

За инскриптами следует развернутый прескрипт, который содержит типичные для этой части эпистолярного канона формулы воздаяния поче-

стей великим князьям, благословения и благоговейной молитвы-просьбы послушать адресата, формулы самоуничижения (в том числе и через отсутствие имени автора), призыва к конкретным действиям, а также долженствования через апелляцию к апостолу Павлу:

> По божественомоу апостолу Павлоу, вселеннеи учителю, еже к Тимофею пиша, сице *должен* бога *молить* и его пречистую богоматерь, и чюдотворцовъ, и всѣх святых о государе *благовѣрном* великом князе Василье Ивановиче всея Роусии, и о его державьстве *христолюбивых* князеи наших, и о его *христолюбивом* воиньстве, о устроении и *благопребывании*, да и мы в *тишине* его *тихо* и *безмолвено* житие поживем во всяком *благовѣрии* и *чистотѣ*; сице также есми должен и вашь *богомолецъ* государеи наших о сем *благословляю* вас и *молю* вашу власть *с любовию*: господа ради *послоушаите словес грубости моея*, вам бо есть держава и власть во граде сем Пскове по бозѣ и по государе *благовѣрном* великом князе гусударе нашем; и того ради *явите вашу боязнь*, яко *православные крестьяне*, сице же к богу (курсив мой. — *О.Т.*) [19, с. 90].

Инскрипт и прескрипт в Послании игумена Памфила создают типичную рече-поведенческую ситуацию, которая внешне представляет собой «повторяющийся “фрагмент социальной жизни”» [2, с. 523, примеч. 22], а именно просьбу, адресованную князьям. При этом и в инскрипте, и в прескрипте игумен использует одну и ту же рече-поведенческую тактику, под которой, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, понимается «однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [2, с. 525].

Какого «стратегического» эффекта добивался игумен? Для того чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к краткой редакции памятника, опубликованной в «Библиотеке литературы Древней Руси» по списку РНБ. Q.XVI.50. Л. 170–172 об. В.И. Охотниковой [22, с. 516]. Заголовок-инскрипт здесь почти полностью совпадает с летописным, хотя наблюдаются и незначительные на первый взгляд отличия. В Краткой редакции жанровая природа текста определена как «благословение и послание», с этих слов начинается инскрипт, в Летописной редакции текст обозначен как «благословение и богомоление». В Краткой редакции игумен дважды называет себя

«богомолец»: «...богомолець государей наших великых князей и царей и всея Русии <...> и вашь богомолець, господей наших» [22, с. 160]. В Летописной редакции это самоопределение отсутствует, точнее, оно есть, но не в заголовке, а в прескрипте, да и то встречается один раз.

Прескрипт в Краткой редакции отличается от прескрипта Летописной редакции лаконичностью: «И о всем благословяю вас, и бью челом, и молю вашу власть, да с любовию Господа ради послушайте словес грубости моея, вам бо есть держава и власть и въ граде сем по Бозе и государей великых князей, и того ради явите боязнь вашу, яко православныя христиане сущей, еже к Богу» [22, с. 160]. В Летописной редакции сохраняются восходящие к Краткой редакции мотивы «благословения» князей, просьбы-мольбы «с любовью» послушать адресата, самоуничижения и призыва к конкретным действиям, совпадение мотивов прослеживается и на уровне стилистики. Но исчезает мотив битья челом. И это отнюдь не случайно. Если посмотреть на глагольный ряд в прескрипте Краткой редакции, то получится следующее: «благословляю» — «бью челом» — «молю послушайте» — «есть держава и власть» — «явите боязнь». Перед нами — не просто обращение к власть предержащим, а челобитная, поданная богомольцем (вспомним, как позиционировал себя игумен в инскрипте), т. е. прошение, которое князья могут удовлетворить или проигнорировать. Исчезновение в Летописной редакции мотива битья челом при сохранении всего остального глагольного ряда, «размывание» просительной интонации через систему хорошо продуманных повторов снимает эффект иерархичности, создаваемый в первую очередь мотивом битья челом, и в результате адресат и адресант оказываются связаны друг с другом единым культурно-религиозным пространством Slavia Orthodoxa, в котором принято следовать определенным нормам поведения.

В прескрипте Летописной редакции игумен Памфил рисует некий идеал жизни для православных христиан: «...да и мы в *тишине* его *тихо* и *безмолвено* житие поживем во всяком *благовѣрии* и *чистотѣ*...» [19, с. 90], — оплетая его многократным повторением эпитетов «благоверный» в обращении к князьям, «христолюбивый» по отношению к князьям и воинству, употребляя сложные слова с первым корнем «благо» («благопребывание», «благоверие») и называя свое послание «благословением и богомолением». Таким образом, изменения в прескрипте в Летописной редакции Послания

игумен вносит сознательно, в соответствии со своей главной перлокутивной целью — подчеркнуть и обозначить благостность жития православных христиан, когда они живут «по Бозѣ», руководствуясь Священным Писанием.

С этой точки зрения инскрипт и прескрипт Послания игумена Памфила в Псковской 1-й летописи создают идиллическое, почти идеальное изображение пространства Slavia Orthodoxa как единого культурно-религиозного поля, в котором находится и сам игумен, и князья, к которым он обращается.

Переходя к семантеме, основной части Послания, игумен практически сразу же вносит диссонанс в нарисованную до этого идиллию, рассказывая о «кумирском праздновании» великого христианского праздника Рождества Иоанна Предтечи, особо подчеркивая: «…яко день Рожества Предотечи великого празнуют, но своим древним обычаем» [19, с. 90–91]. И почти сразу после упоминания о древнем обычае пишет: «Намъ православным соущим, по божественому апостолу празновати день Рожества великого Иванна…» [19, с. 91].

Очевидно, что основная часть Послания в Псковской 1-й летописи имеет симметричную аргументативную структуру, в которой своеобразную роль оси симметрии играет топос обычая как некая «схема мысли», по выражению А.Е. Махова, «которая возникает по ходу аргументации, в процессе того, как автор, поэт, литературный персонаж восхваляет или порицает, советует или отговаривает, утешает или наставляет, льстит или угрожает и т. д.; иначе говоря — в процессе достижения автором или героем определенной коммуникативной цели посредством огромного набора приемов» [7, с. 281]. Языческий, древний обычай празднования дня Ивана Купалы приходит в противоречие с христианским празднованием Рождества Иоанна Предтечи и оценивается представителем православной культурной традиции как нечто ненормальное, нарушающее правильный для христианина порядок, как «коумирское празнование», «радость и веселие сотонинское», «ликование и величание дьяволе», «красование бѣсом его в людех», «поругание и в бесчестие Рожеству Предотечеву», «баззаконие» и «богомерское приношение» [19, с. 90].

Топос обычая становится той «точкой», в которой «сходятся и расходятся далее линии аргументации» [7, с. 289] игумена. Он последовательно перечисляет обрядовые действия, совершаемые людьми накануне и в са-

мый день праздника в соответствии с древним обычаем, подчеркивая их девиантность, и параллельно (уже после рассказа о «бесовском» праздновании) показывает нормативно-правильное для христианина поведение в день Рождества Иоанна Предтечи. Неявное, но всё же ощутимое и понятное сопоставление порочной и идеальной моделей поведения ведется по нескольким линиям.

Прежде всего, игумен говорит о том, что, когда наступает время праздника, и «еще преже того великого празника, исходять огавницы мужие и жены чаровницы, по лугом, и по болотом, и в пустыни, и в доубравы, ищущи смертныя травы и привѣто чрева от травнаго зелиа на пагубоу человеком и скотом; ту же и дивия корениа коплют на потворение моужем своим» [19, с. 90]. Массовый исход людей на природу (в луга, леса, на болота) косвенно указывает на отсутствие прихожан в храмах в этот день. Не случайно игумен замечает: «тогда во святую ту нощь мало не весь град возмятется» [19, с. 91]. Между тем при описании правильного поведения Памфил, не говоря прямо о необходимости посещения храмов в этот день, со ссылкой на апостола Павла пишет о том, что подобает «празновати день Рожества великого Иванна… в молитвах…» [19, с. 91], со ссылкой на пророка Иеремию сетует: «лоукавое творят предо мною, еже не слушати гласа моего» [19, с. 91].

Идеальная «тишина», «безмолвие», «чистота» «христолюбивого» жития, о котором упоминал игумен еще в прескрипте, должны присутствовать и во время празднования Рождества Иоанна Предтечи: «Намъ православным соущим, по божественому апостолу празновати день Рожества великого Иванна в чистотѣ и целомудрии духовне, в молитвах, и в пощении, в братолюбии, и не козногласовании и пьяньством…» [19, с. 91]. Древний же обычай предполагает шумное веселье — с музыкой, песнями, плясками, играми, в описании которых В. Малинин усмотрел «страстный характер» [6, с. 126] и безусловное осуждение, что соответствует тексту, со стороны игумена как «неподобных», «скверных», «сатанинских», «бесовских»:

> Егда бо приидеть самыи празник Рожество Предотечево, тогда во святую ту нощь мало не весь град возмятется, и в селех возбѣсятца в боубны и в сопели и гудениемъ струнным, и всякими неподобными игранми сотонинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием

> и устнами их неприязнен клич, вся скверные бесовские пѣсни, и хрептом их вихляниа, и ногам их скакание и топтаниа… [19, с. 90].

Обращает на себя внимание в этом описании и справедливо отмеченный еще В. Малининым «чувственный, вакханический характер» купальских игрищ в целом и плясок женщин и девиц в частности, которые производили на мужчин — и зрителей, и участников — особое впечатление и приводили к «дикой ночной оргии» [6, с. 126]: «…тоу же есть мужемъ и отроком великое падение, тоу же есть на женское и девичье шетание блоудное имъ возрѣние, тако же есть и женам мужатым осквернение и девам растлѣниа» [19, с. 90]. И вновь со ссылкой на апостола Павла в продолжение приводимой ранее цитаты из текста Послания читаем о том, что должно праздновать день Рождества Иоанна Предтечи «не любодѣянии и стоудодѣянием, ни рвением и завистию; но облецемся господемъ нашим Исус христом, и плотиугодиа не творим в похоти» [19, с. 91].

В Краткой редакции Послания можно наблюдать похожую симметричную аргументативную структуру, с той лишь разницей, что рассказ о древних купальских обычаях перемежается с короткими замечаниями о том, как должно быть правильно. Так, упомянув о том, что ночь люди проводят «въ всяцѣх играх и дѣлесех неприязненых, в бесовских угодии», игумен тут же наставляет: «Подобает же сей день Рожества великаго Ивана Предотечи в чистотѣ и целомудрии духовне и в молитвах празновати» [22, с. 162]. Рассказав о сборе трав, мгновенно приводит целый нравоучительный пассаж:

> И сия ли Христосъ избра? И тако ли есть християном православным вѣра и чинъ? И сиа ли христианскаа лепота и законъ, играниемъ и плясанием, и блудом, и чародѣянием, и бесовскими пѣсньми, дудами же и бубны, веселием сотоны сомого день рожениа великаго Предотечи почитати и празновати, яко не крестьяном сущимъ, глумом безлѣпотным, но паче горше невѣрных прелстишася, неведы, и заблудиша от истины [22, с. 162].

Таким образом, специфика конструирования семантемы в Послании игумена Памфила позволяет говорить не только о столкновении двух разных культурных традиций — древней, языческой и православной,

в данном случае современной автору, — но и о более глубоком противостоянии между народом, стремившимся сохранить обычаи и обряды предков, и церковью, продолжавшей настаивать на искоренении исконных традиций. Упоминание о том, что «на всяко лѣто кумиром служебным обычеем сотона призывает» [19, с. 90] (аналогично в Краткой редакции: [22, с. 160]), настойчивость обращения игумена Памфила к князьям с просьбой унять от «идольскаго служениа богозданныи народ сеи» [19, с. 91] свидетельствуют о наличии постоянного, приуроченного к конкретной дате культурно-религиозного конфликта между простым народом и духовными пастырями.

При этом здесь важно отметить избирательность игумена Памфила в описании купальских обрядов, которая проявилась в том, что в Послании называются исключительно «смертныя травы» и «дивия», т. е. приворотные, «корения», которые собирали женщины, что было отмечено еще В. Малининым [6, с. 126]. О лекарственных травах и кореннях, впрочем, как и о других купальских обрядах, речь не ведется. Вряд ли игумен, находившийся в непосредственном контакте на протяжении всей жизни со своей паствой, не был осведомлен о положительной символической наполненности купальских обрядов для народа [12, с. 519–529; 13]. Но текст Послания свидетельствует об осознанном выборе из всего многообразия древних обрядов только тех, которые указывали на их «сатанинский», «бесовский» характер и демонстрировали исключительно безнравственную и смертоносную их суть, представляли собой, по выражению А.В. Каравашкина, «слабое звено, относящееся к игнорированию христианской системы ценностей» [4, с. 157].

Перечисление «беззаконных» древних обрядовых действий, отсутствие сквозного сюжета можно считать одним из отличительных признаков бессюжетного «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси. Вместе с тем общая сюжетная схема, характерная в целом для «девиантных» текстов, в которых описываются действия человека или группы людей, которые воспринимается и оценивается как противоречащие общепринятым культурным, духовно-нравственным, морально-этическим, правовым нормам и ожиданиям общества и/или неординарные, диковинные с точки зрения представителя определенной культурной среды, довольно четко прослеживается в Послании игумена Памфила.

Третий элемент сюжетной схемы — дискурсивная или эмоциональная оценка — постоянно присутствует в Послании и находит выражение

в непрестанно повторяемых отрицательных эпитетах, сопровождающих рассказ о древних обычаях (игры — «неподобные», «сатанинские»; клич — «неприязнен»; песни — «скверные бесовские»; праздник — «бесовский», приношение — «богомерское»), в общей негативной характеристике поведения людей («град возмятется, и селех возбѣсятца» [19, с. 90]), которые творят «поругание» и «бесчестие Рожеству Предотечеву» [19, с. 90], не говоря уже о пространном пассаже, приведенном ранее.

Заключительная часть Послания игумена Памфила — клаузула — открывает его главную перлокутивную цель: «Вы же государи наши, благочестивыи власти сущи, грозная держава христолюбиваго государя нашего, и *оумите храборским моужеством вашим от таковаго пачинаниа идольскаго служениа богозданныи народ сеи, творящая злая бесовьская угодна в день Предотечев...*» (курсив мой. — *О.Т.*) [19, с. 91] — и одновременно развивает тему милости и надежды на прощение грехов перед приведением традиционной финальной формулы: «да молитвами его великого предстательства вселенныя Иванна Крестителя милостив намъ боудетъ и щедръ и оставить грѣхи наша, во страшныи день праведнаго суда своего, господа нашего Исус христа, емоу же слава со отцем и с пресвятымъ, благим и животворящим духом, и нынѣ и присно и во вѣки вѣком аминь» [19, с. 91].

Таким образом, Послание игумена Памфила в Псковской 1-й летописи, обладающее с точки зрения эпистолярного канона всеми необходимыми элементами, в силу особенностей тематики и аргументативной структуры может рассматриваться как яркий пример бессюжетного «девиантного» повествования, которое демонстрирует специфику локального культурно-религиозного конфликта как конфликта норм поведения в «расходящихся культурных системах» [16] и дает представление как об антимодели поведения во время празднования дня Иоанна Предтечи с точки зрения автора обращения к наместнику Пскова и, видимо, летописца, так и об идеальной, нормативной для христианина модели поведения.

В целом, бессюжетные «девиантные» тексты в историческом повествовании Древней Руси имеют схожую с сюжетным повествованием трехкомпонентную структуру, но подробный или краткий последовательный рассказ о ненормальных и/или неординарных поступках героев приобретает в них форму перечней странных деяний, как правило не связанных причинно-следственной связью между собой, однако находящихся в не-

посредственной зависимости от исходной событийной ситуации, спровоцировавшей проявление девиантности. Как и сюжетные повествования, бессюжетные «девиантные» тексты запечатлели и отрицательное, и положительное отклонение в поведении людей от нормы, в том числе и от традиции рассказывания о тех или иных событиях. Наконец, в силу повествовательной специфики перечни в большинстве случаев свидетельствуют о случаях массового, многолюдного проявления отклоняющегося поведения, в отличие от сюжетных «девиантных» текстов, которые могут быть посвящены одному герою.

Список литературы

Исследования

1 *Антонова М.В., Никищенкова Г.В.* Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3, ч. 1. С. 154–161.

2 *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. академика Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

3 *Демичева Н.А.* Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260

4 *Каравашкин А.В.* Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 148–161. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161

5 *Каравашкин А.В.* Послания Ивана IV (архитектоника и приемы суггестии) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 273–291. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-273-291

6 [*Малинин В.*] Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование В. Малинина. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1901. 1029 с.

7 *Махов А.Е.* «Историческая топика»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 275–289.

8 *Охотникова В.И.* Литература древнего Пскова // Псковский край в литературе / под ред. Н.Л. Вершининой. Псков: ПГПИ, 2003. С. 7–76.

9 *Панкеев И.А.* Обычаи и традиции русского народа. 2-е изд., испр. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 541 с.

10 *Рогожина А.С.* «Был голод по всей той стране»: летописание истории голода в России в XI–XVI вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 14–25.

11 *Серебрянский Н.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле: С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. [2], IV, 3-580, VI с.: 27.

12 *Терещенко А.В.* История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

13 *Толстая С.М., Виноградова Л.Н.* Иван Купала // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт сла-

вяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д – К (Крошки). С. 363–368.

14 *Туфанова О.А.* «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Сб. 23 / гл. ред. О.А. Туфанова. С. 265–302. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302

15 *Туфанова О.А.* Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0605-5

16 *Sellin Th.* Culture Conflict and Crime. New York: [S. n.], 1938. 116 p. (Social Science Research Council. Bulletin 41)

Источники

17 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 640 с.

18 *Охотникова В.И.* Памфил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.), ч. 2: Л–Я. С. 162–163.

19 Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. 258 с.

20 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М-ва Внутренних дел, 1885. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 256 с.

21 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Петроград: Тип. Я. Башмаков и К⁰, 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1: Новгородская четвертая летопись. IX, 320 с.

22 Послание игумена Памфила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 9. С. 160–163.

References

1 Antonova, M.V., and G.V. Nikishchenkova. "Formuliar drevnerusskogo poslaniia: Feodosii Pecherskii, ego sovremenniki i posledovateli" ["Form of the Old Russian Epistle: Theodosius of the Caves, His Contemporaries and Followers"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3, part 1, 2010, pp. 154–161. (In Russ.)

2 Vereshchagin, E.M., and V.G Kostomarov. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [*Language and Culture. Three Linguistic and Cultural Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics, and Sapientems*], ed. and afterword by academician Iu.S. Stepanov. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (In Russ.)

3 Demicheva, N.A. "Chelovek v osazhdennom gorode: k probleme izucheniia 'deviantnogo' teksta v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi" ["Man in a Besieged City: On the Problem of Studying the 'Deviant' Text in the Historical Narrative of Ancient Rus"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 250–260. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260 (In Russ.)

4 Karavashkin, A.V. "Ivan Groznyi i Andrei Kurbskii: konflikt interpretatsii" ["Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky: A Conflict of Interpretations"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 1, 2020, pp. 148–161. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161 (In Russ.)

5 Karavashkin, A.V. "Poslaniia Ivana IV (arkhitektonika i priemy suggestii)" ["Letters of Ivan IV the Terrible (Architectonics and Suggestion Techniques)"]. Tufanova, O.A., editor. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 20. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 273–291. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-273-291 (In Russ.)

6 [Malinin, V.] *Starets Eleazarova monastyria Filofei i ego poslaniia. Istoriko-literaturnoe issledovanie V. Malinina* [*Philotheus, Elder of the Eleazar Monastery, and His Epistles. Historical and Literary Study by V. Malinin*]. Kyiv, Tipografiia Kievo-Pecherskoi Uspenskoi lavry Publ., 1901. 1029 p. (In Russ.)

7 Makhov, A.E. "'Istoricheskaia topika': razdel ritoriki ili oblast' komparativistiki?" ["'Historical Topics': A Category of Rhetoric or an Area of Comparative Studies?"]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2011, pp. 275–289. (In Russ.)

8 Okhotnikova, V.I. "Literatura drevnego Pskova" ["Literature of Ancient Pskov"]. Vershinina, N.L., editor. *Pskovskii krai v literature* [*Pskov Region in Literature*]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute named after S.M. Kirov Publ., 2003, pp. 7–76. (In Russ.)

9 Pankeev, I.A. *Obychai i traditsii russkogo naroda* [*Customs and Traditions of the Russian People*]. 2nd ed., corr. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 1999. 541 p. (In Russ.)

10 Rogozhina, A.S. "'Byl golod po vsei toi strane': letopisanie istorii goloda v Rossii v XI–XVI vv." ["'There Was a Famine Throughout That Country': Chronicling the History of Famine in Russia in the 11th–16th Centuries"]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii.*

Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki, no. 3 (35), 2015, pp. 14–25. (In Russ.)

11 Serebrianskii, N. *Ocherki po istorii monastyrskoi zhizni v Pskovskoi zemle: S kritiko-bibliograficheskim obzorom literatury i istochnikov po istorii pskovskogo monashest*va [*Essays on the History of Monastic Life in the Pskov Land: With a Critical and Bibliographical Review of Literature and Sources on the History of Pskov Monasticism*]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1908. [2], IV, 3–580, VI p.: 27. (In Russ.)

12 Tereshchenko, A.V. *Istoriia kul'tury russkogo naroda* [*History of the Culture of the Russian People*]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 736 p. (In Russ.)

13 Tolstaia, S.M., and L.N. Vinogradova. "Ivan Kupala" ["Ivan Kupala"]. Tolstoy, N.I., editor. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [*Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.*], vol. 2: D–K (Kroshki) [D–K (Crumbs)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, pp. 363–368. (In Russ.)

14 Tufanova, O.A. "'Deviantnyi' tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problemy" ["'Deviant' Text in the Historical Narration of Old Russia: To the Problem Statement"]. Tufanova, O.A., editor. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 23. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 265–302. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302 (In Russ.)

15 Tufanova, O.A. *Drevnerusskaia literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [*Old Russian Literature on the Time of Troubles as an Artistic Phenomenon*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 576 p. https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0605-5 (In Russ.)

16 Sellin, Thorsten. *Culture Conflict and Crime*. New York, [S. n.], 1938. 116 p. (Social Science Research Council. Bulletin 41) (In English)